

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Э.М. Спирина

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Аннотация. От чего люди обоготворяют знание? Почему они придают такое значение зазубриванию формул, законов, дат? Разве нельзя прожить без всевозможных открытий и изобретений. Пусть я не помню, что происходило под Ватерлоо. Что из того, что я забыл формулу синильной кислоты? Разве мир рухнет, если я не обозначу сейчас на доске этот физический закон? Что заставляет нас так благоговейно ценить знание?

Ключевые слова: педагогика, философия, знание, гуманитаристика, магия, вера, потребность, реальность, рациональность.

Мощная тяга к знанию — чисто человеческая потребность. Любое живое существо на земле принимает мир таким, какой он есть. Только человек пытается понять, как мир устроен, какие законы им управляют, что определяет его динамику. Зачем человеку это нужно? Ответить на этот вопрос непросто. Иногда говорят: знание помогает человеку выжить. Но это не совсем так, ведь именно знания способны повести человека к гибели. Не случайно Экклезиаст учит нас: многознание умножает скорбь.

Тем не менее древний человек обнаружил в себе могучее желание проникнуть в тайны Вселенной, понять ее секреты, ощутить законы универсума. Это стремление все глубже проникало в человека, все более и более захватывало его. В этом неодолимом устремлении к знанию отразилась человеческая природа. Казалось бы, зачем конкретному индивиду, скажем, лично мне, знать, есть ли жизнь на других планетах, как разворачивается история, можно ли отыскать мельчайшую единицу материи, в чем загадка живого мыслящего вещества. Однако, вкусив плодов знания, человек уже более не может отказаться от них. Напротив, он готов ради истины взойти на костер.

Мы поднимаемся по темной лестнице познания, постепенно освещая каждую новую ступень. Формы познания разнообразны. Наука родилась не сразу. Поначалу человек использовал иные формы постижения реальности. Однако можно ли без науки понять что-нибудь в тайнах универсума? Безусловно, речь идет не только о практических навыках, которые содержат в себе крупицы знания.

Магия, мифотворчество — это древнейшие донаучные формы постижения мира. С помощью

мифа наши далекие предки пытались организовать накопленный опыт жизни. Они верили, что все восходит к богам, всюду проявляются их силы — в броске копья, в разыгравшемся ветре и шторме, в движении туч, небесных тел, в смене времен года, во вторжении врагов, в возникновении болезни или страдания. Боги научили людей выращивать урожай, выделывать шерсть, приручать лошадей.

Знание существует во множестве вариантов. Религия обслуживает запросы духа, Человек обращает свой взор к Богу, когда испытывает жуткие муки одиночества, страх перед смертью, напряжение духовной жизни. Мистика чарует возможностями глубинного, обостренного богообщения. Она дарит надежду на чудо. Наука демонстрирует неоспоримые успехи познающего ума. Будучи опорой цивилизаций, она не только разъясняет одухотворяющие истины, но и обустроивает людей, продлевает им жизнь.

Начатки науки появились еще в Древнем Китае и Древней Индии. Почти все естественные науки вышли из мифологии. Прежде чем родилась астрономия, существовала астрология, объектом изучения которой было расположение звезд. Древние астрологи обожествляли планеты и небесные тела. Уже во времена вавилонской астрологии были открыты некоторые закономерности в движении звезд, которые потом вошли в астрономию.

Однако не всякие практические науки и не любые знания можно назвать наукой. Наука — это не просто перечень наблюдений над природой. Она возникает только тогда, когда осознаются универсальные связи между явлениями природы. Наука как область культуры родилась, по мнению многих философов, в античной Греции. Что же отличает

науку как особый тип постижения реальности от других ее типов? Особенность науки заключается прежде всего в том, что человек стал задумываться над общими вопросами мироздания, далеко не всегда полезными в повседневной практической жизни.

Практический навык сопряжен с конкретной жизненной ситуацией, когда, например, нужно проявить сноровку для строительства жилья, организации охоты или проведения какого-нибудь ритуала. Другое дело — наука. Здесь далеко не всегда человек задумывается над тем, что непосредственно связано с сиюминутными потребностями. Скажем, первобытный охотник ударил камнем по другому камню. Неожиданно появились искры, от которых загорелись сухие ветви. Пусть полыхает костер! От него идет тепло, можно согреть пищу, хочется вознести молитву духу покровителю. Все радуются пламени. Однако почему появилась искра? Что такое огонь? Как он возникает и почему угасает, если не бросать в него хворост?

По выражению Э. Кассирера, наука — последняя ступень в умственном развитии человека; ее можно назвать высшим и наиболее специфичным достижением человеческой культуры¹.

Важным источником знания является философия. Ее иногда называют высшей мудростью. Многое из того, что нас окружает, мы пропускаем в собственную душу безотчетно, без критической оценки. Мы принимаем окружающий мир, не задумываясь о его природе. Мы стараемся жить просто, не испытывая потребности в последовательном размышлении. Груз постоянного раздумья кажется нам непереносимым. Но человеку присуще и иное состояние. Он открывает в себе способность продвигаться к одухотворяющей истине, открывать тайны реальности, чувствовать тончайшие различия в просверке мысли.

Названия имеют свою судьбу, подмечает немецкий философ Вильгельм Виндельбанд (1848-1915). Однако редкое из них имело судьбу столь странную, как слово «философия». Если мы обратимся к истории с вопросом, что, собственно, есть философия, и справимся у людей, которых называли и теперь еще называют философами, об их воззрениях на предмет их занятий, то получим разнообразные и бесконечно отстоящие друг от друга ответы. Виндельбанд считает, что «попытка выразить это пестрое многообразие в одной простой формуле и подвести всю эту

неопределенную массу явлений под единое понятие окажется делом безнадежным»².

В чем же трудность истолкования этого слова? Почему едва ли не каждый крупный мыслитель среди своих сочинений непременно имеет работу, специально посвященную тому, как он понимает философию? Идут бесконечные споры о том, что является философией и в чем специфика знания, которое она содержит. Философия — одна из неотъемлемых форм культурного бытия человека. В любую эпоху, на разных материках рождались мудрецы, которые задумывались над тайнами мира. Не было эпохи, когда философия исчезала бы. Она, по-видимому, никогда и не прекратит своего существования, покуда жив человек. Это глубинная, неискоренимая потребность человека. Он будет вечно стремиться к постижению секретов природы, человеческого духа, божественных тайн.

Существует также и житейское, обыденное, практическое знание. Оно рождается в глубинах жизни. Когда мы обращаемся к конкретной эпохе, то нам крайне важно знать, какие ценности разделяли люди того времени, какую носили одежду, какой утварью пользовались, каковы были их привычки. Несколько десятилетий назад мы крайне пренебрежительно относились к обыденному сознанию. Оно третировалось как ненаучное, убогое, привязанное к ложным житейским представлениям. Однако в обыденном сознании тоже содержится и некоторые резоны и крупинцы знания и здравый смысл³. Повседневный опыт многообразен. Он включает в себя социальный опыт, жизненную практику, здравый смысл. Этот смысл может противостоять идеологическим формулам политиков, которые выступают от имени «современного научного знания», преследуя манипуляторские цели.

Педагогика и психология опираются на неисчерпаемый потенциал универсального и многообразного знания.

Соотношение знания и веры

Знание — подтвержденный практикой результат познания действительности; итог познавательного процесса, который связан с обретением истины. Люди открыли законы физики и построили

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 685.

² Виндельбанд В. Что такое философия?: О понятии и истории философии // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 22.

³ См.: Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. М., 2003.

самолеты. Они поднимаются ввысь и переносят нас на далекие расстояния. Значит, наше сознание способно постигать законы материального мира. Мы раскрыли формулу гена и это позволило создать новое существо. Все произошло именно так, как запланировали ученые. Стало быть, наше мышление имеет дело с истиной. Если наше сознание обладает способностью правильно отражать реальность, то мы можем все глубже и глубже проникать в тайны мира, расширять наши знания.

Знание характеризует относительно верное отражение реальности в мышлении человека. Оно демонстрирует обладание опытом и пониманием, позволяет осваивать окружающий мир. В общем смысле знанию противопоставляется незнание, невежество. Внутри познавательного процесса знание, с одной стороны, противостоит мнению, которое не может претендовать на полную истину и выражает лишь субъективное убеждение.

С другой стороны, знание противостоит вере, которая также претендует на полную истину, но опирается на иные основания, на откровение, на уверенность, что дело обстоит именно так. Самый существенный вопрос знания заключается в том, насколько оно верно, то есть действительно ли оно может быть реальным ориентиром в практической деятельности людей.

Вера — человеческая потребность принимать события такими, какими им хочется их воспринимать; способность оценивать реальность из глубин человеческого существа. В нашем сознании вера обычно соотносится с религией. Однако вера обнаруживается не только в ней. Философское понимание веры шире, она часто не имеет сакрального (священного) содержания. Вы гладите ребенка по голове и верить, что он вырастет и будет счастлив. Разве вы пророк и можете судить о будущем безоговорочно? Нет, конечно, вашей убеждение в том, что дитя проживет прекрасную жизнь, покоится на определенной настроенности души. Это и есть вера.

Но, может быть, это самообман. Мы ничего не знаем о будущем? «Грядущие годы таятся во мгле...» А коли так, кому нужна эта отвлеченная и благостная надежда? Ведь жизнь может выкинуть такие игральные кости, что помутится разум... Зачем же тогда некое, ничем не подкрепленное ожидание?

Однако представим себе человек, который живет без веры. Он мрачно смотрит в будущее. Решительно отвергает всякие подсказки души. Вытравляет в себе все, что связано с ожиданием. На что

он может опереться? Только на разум. Однако всегда ли рассудок служит нам надежным поводом? Не естественнее ли во многих случаях довериться интуиции или тому феномену, который исстари называется верой?

Вера — это состояние души человека, позволяющее ему преодолевать жизненные испытания, находить опору в жизненном бытии. Она вырастает из самых глубин человеческого естества. Человек не может жить без веры, ибо не просто существо, действующее на основе инстинкта, и не просто вместилище рассудка. Нередко полагают, что люди могут прожить жизнь без всякой веры. Говорят также, что знание несовместимо с верой. Образованный человек, считают многие, не может верить. Он слишком много знает и самое существенное уже понял. Так, например, он осознал, что все совершается по законам природы и что эти законы рано или поздно будут изучены. Вот что же еще ему верить. Вере, наверное, подвержены те, кого еще не коснулось просвещение. Придет время, они будут просвещены и перестанут верить.

«Верить» — это гораздо больше, чем «признавать за истину». «О вере позволительно говорить только там, — писал русский философ И.А. Ильин, — где истина воспринимается глубиной нашей души; где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос откликается и остальное существо человека; где снимается печать именно с этого водного ключа нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь»⁴.

В вере человек черпает свои жизненные силы. Без них не может быть ни осмысления истоков человеческого бытия, ни постижения грядущего. Можно верить в мощь разума, в познавательные возможности человека, в торжество беспокойного духа человека. Вера составляет богатство личности человека, характеризует глубину ее помыслов и чувств. Она затрагивает сокровенные струны души — почтение к предкам, надежду на бессмертие, патриотические переживания. Основой веры служит духовный опыт человека. Святыня не приобретает, не берется напрокат. Ее можно только выстрадать. Иначе говоря, то или иное прозрение подтверждается глубокими переживаниями, всей жизненной практикой человека.

«Вера отличается от знания», — пишет известный немецкий философ К. Ясперс. — Однако в чем и как? На этот счет в философии сложилось

⁴ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 136.

три разных представления. Одни ученые признают верховенство знания и отрицают веру. Другие настаивают на преимуществе веры и отвергают достоинство знания. Третьи исходят из равноправия знания и веры.

Первое представление господствовало в течение многих веков. Зачарованные огромными успехами науки, люди считали, что нет ничего выше знания, а веру нередко называли слепой, подчеркивая тем самым, что она не может соперничать с точным знанием. Однако окончательно заменить веру знанием невозможно. Это два разных достоинства человека, каждое из которых одинаково дорого. Постепенно выяснилось, что даже самые рьяные приверженцы знания, готовые отказаться от всего, что не соотносится с разумом, тем не менее не в состоянии изжить в себе веру. Какими бы познаниями человек не обладал, он всегда оставляет в себе место для веры, ибо не все можно обосновать научно.

Русский философ Н.А. Бердяев справедливо считал, что требование «научной» веры, замена веры знанием — это отказ от свободы, от вольного подвига. Вера действительно нередко сопряжена с подвижничеством. Требование заменить веру знанием не возвышает человека, а унижает его. Никакая наука, никакая философия не могут дать веру или заменить ее собою. Они способны лишь подвести к ней. Однако и вера не может устранить знание. Нельзя с помощью веры решать вопросы химии и физики, политической экономии и истории, невозможно текстами Священного Писания опровергнуть выводы науки. Если вера — это свободный подвиг, то научное знание — тяжелый долг труда, возложенный на человека.

Между знанием и верой как феноменами обнаруживается существенное различие. Психологически противоположность того и другого бросается в глаза даже человеку, не склонному к философскому анализу. Знание принудительно, вера свободна. Всякий акт знания заключает в себе обязательность. Невозможно отменить тот очевидный факт, что дважды два четыре. То, что мне доказано, для меня уже неотвратимо. Другое дело — вера. Она не дает гарантий. Можно верить в Бога, в счастливый жребий, в любовь с первого взгляда. Точных доказательств в пользу этих верований нет. В дерзновении веры человек как бы бросается в пропасть. Он преодолевает любые предустановления.

Рациональное и иррациональное в человеческой деятельности

Рациональный (лат. *rationalis* — разумный, *ratio* — разум) — разумный, основанный на разуме; адекватный критериям разума. По мнению многих мыслителей, рациональное может рассматриваться как универсальная категория, охватывающая чистую логику в классическом и современном мышлении, диалектику и даже некоторые формы мистического опыта. Однако этот тезис о едва ли не всеохватном смысле понятия «рациональность» требует критического рассмотрения, поскольку можно наметить некоторые типологические подходы к раскрытию философского содержания данной категории, в известной мере противостоящие друг другу.

Во-первых, рациональное понимается как метод познания действительности, который основывается на разуме. Это центральное значение восходит к латинскому корню *ratio*. Рационализация вообще выступает в тех или иных формах, является общечеловеческим свойством, присущим различным сторонам человеческой деятельности. Во-вторых, рациональность трактуется многими учеными как некая структура, имеющая внутренние особенности и законы. В этой направленности рассуждений научное мышление утрачивает свою монополию на рациональность. Вероятно, в данном случае и разум перестает быть определяющей характеристикой рационального. Речь идет о специфической упорядоченности, присущей разным формам духовной деятельности, в том числе и ненаучной. Это особая организованность, логичность, которая противостоит уже бесструктурности, хаотичности, принципиальной «невыразимости». К иррационализму при этом может быть отнесен тот духовный опыт, который не поддается упорядоченности и умопостижению.

В-третьих, рациональность отождествляется с определенным принципом, атрибутивным свойством цивилизации. Предполагалось, что культурные особенности народов, развивающихся в процессе своей жизнедеятельности аналитические и аффектированные начала, способны выработать определенные цивилизационные признаки. К.Г. Юнг разделял цивилизации на «рациональные» и «аффективные». В этом значении многие философы для анализа различных типов цивилизаций использовали такие характеристики, как динамичность и статичность, экстравертированность и

интравертированность, оптимизм и фатализм как модусы западной и восточной культур.

Иррациональное — недоступное рассудку. Иррациональное — то, что не может быть постигнуто разумом, что явно не подчиняется законам логики, что оценивается как «сверхразумное», «противоразумное».

Что является истоком культуры? Разум, человеческая страсть, молитвенная настроенность или неукротимое жизненное побуждение? Культура универсальна. Можно полагать, что в ней обнаруживается рациональное основание. Иначе говоря, легко предположить, будто человек строит культуру по предварительному аналитическому расчету. Сначала в голове человека возникает некий идеальный замысел. Он тщательно обдумывается, а затем реализуется в процессе человеческой деятельности.

Разумеется, многие феномены культуры родились в результате изначальной способности человека рассуждать и анализировать. Немецкий социолог и историк Макс Вебер (1864-1920) пытался раскрыть смысл такого важного термина, как «рациональность». Вебер считал капиталистическую экономику примером рациональности. Она оценивалась им как царство учета, расчета и калькуляции. Однако Вебер показывает, что магия в известном смысле тоже рационалистична, рассудочна. Ведь она направлена обычно на достижение конкретных целей. С помощью магии можно обеспечить удачную охоту или богатый урожай. Магическое действие сближается в этом смысле с действием рациональным. Они оба направлены на то, что овладеть миром, силами природы. Вебер полагал, что это может объяснить и происхождение искусства.

Но человеческая культура многоярусна, много-составна. Если говорить о внешней стороне дела, в ней объективируются, воплощаются продукты человеческой деятельности. Однако этот процесс духовного творчества менее всего напоминает механическое приращение все новых и новых манифестаций человеческой активности. Культура спонтанна, открыта всем ветрам. Культура творится не по аналитическому расчету, не в результате орудийной хитрости человека. Она — порождение и коллективного бессознательного. В культуре проступает и иррациональное содержание. Примером может служить мистическая духовная традиция, образы бессознательного.

Кто, например, придумал традиции? Парадоксально, но эти установления анонимны, они рож-

дались бессознательно в результате коллективной жизни людей. Традиция — средство кристаллизации совокупного духовного опыта человечества. Человечество прожило немало. И образы, навеянные далеким прошлым, иногда возвращаются к «постаревшим» обитателям Земли. Мифы, некогда созданные нашими далекими предками, вдруг оживают на глазах у современного человека.

Уровни научного познания объективной и субъективной реальности

Каждый из нас имеет опыт различных психологических состояний и практику их оценки, анализа. Отсюда может родиться представление, будто каждый человек — сам себе психолог. Он может самостоятельно разобраться в собственном внутреннем мире, опираясь на те чувствования, которые он пережил. Личный опыт кажется ему единственно достоверным. Известно, что люди различаются между собой как психологические типы. Но носителю определенной психологической структуры мнится, будто его переживания и его восприятие мира — это норма. Остальные ведут себя странно, не «по правилам». Их действия и оценки сомнительны, во многом эксцентричны. Отсюда и представление о том, что психология не нужна педагогике.

В 1926 г. Л.С. Выготский в предисловии к книге американского психолога Эдварда Торндайка (1874-1949) писал: «Однако отказываться от психологии в системе педагогического образования — значит отказаться от всякого возможного научного обоснования и освещения самого воспитательного процесса, самой практики учительского труда. Это значит, между прочим, построить всю теорию социального воспитания и трудовой школы на одной голой идеологии. Это значит отказаться от фундамента в строе учительского образования и от связующего узла в пестром нагромождении методических и педагогических дисциплин. Проще и короче — отказаться от психологии здесь означает отказаться от научной педагогики. Здесь неизбежно приходится выбирать линию наибольшего сопротивления»⁵.

Заметим, кстати, что Джон Б. Уотсон и Э. Торндайк резко критиковали те психологические методы, которые практиковались до воз-

⁵ Бихевиоризм. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии. Уотсон Джон Б. Психология как наука о поведении. М., 1998. С. 13.

никновения бихевиоризма, то есть психологии поведения. Отправной точкой в психологии тогда считалось изучение своего собственного ума. При этом предполагалось, что психолог время от времени как бы приостанавливает свою обычную деятельность и анализирует сопровождающие ее «состояния ума» в терминах наличных «ощущений», «Картин» и «аффективных тонов». Такой метод назывался интроспекцией. Психолог, пользуясь этим методом, останавливал сильную эмоцию в ее течении, описывал локализацию «ощущений» и определял, какие присутствуют «картины» и является все переживание «удовольствием» или «болью»⁶.

Психолог в приведенном примере встречал две трудности. Во-первых, ему предстояло самому, чисто субъективно «обрести» ту или иную эмоцию, переживание, а, во-вторых, ему предстояло проанализировать или по крайней мере описать эти состояния. Здесь открывался огромный простор для произвола. Тоску можно было принять, скажем, за томную грусть и даже наградить ее некоторыми психологическими характеристиками. Интроспективный метод — это созерцание того, что происходит в собственном «я» исследователя. Считалось необходимым потратить несколько лет обучения в психологической лаборатории в наблюдениях над калейдоскопической сменой состояний сознания. При этом предполагалось, что подобная тренировка в значительной мере повышает способность схватывать и анализировать собственные состояния сознания.

Мы можем отметить различные уровни познания объективной и субъективной реальности. В одном варианте мы получаем обычный эмпирический опыт, некоторые данные, которые дают основание для последующей теоретической работы. Однако более глубоким уровнем познания оказывается именно рефлексивный, научный. Он дает возможность оценить субъективный опыт с более широких мировоззренческих позиций.

Американская исследовательница Карен Хорни (1885-1952) в работе «Самоанализ» утверждала, что попытки конструктивного самоанализа могут иметь важное значение прежде всего для самого человека. Однако она сама вынуждена признать, что самопознание — нелегкое дело. Люди, которые ступят на обещанную им легкую дорогу, либо приобретут ложное чувство самодовольства, думая, что они все о себе знают, либо разочаруются, когда

столкнутся с первыми серьезными препятствиями, а может быть, даже решат оставить поиск истинного понимания себя как неблагоприятную работу. Ничего подобного не случится, если человек знает, что самоанализ — это трудный и медленный процесс, причиняющий временами боль и огорчения и требующий всю имеющуюся в распоряжении творческую энергию»⁷.

Процесс самопознания драматичен и даже трагичен. Как отмечают современные представители трансперсональной психологии, многие люди вообще живут чуть ли не на нулевом градусе самопознания. Вот почему призыв Хорни опереться на собственные силы в трудном процессе самоанализа представляется ошибочным. Дело в том, что люди не обладают одним и тем же психологическим складом. Скажем, мыслительный персонаж типологии Юнга может решительно «перегрузить» свою мыслительную функцию и утратить ощущение интуиции или эмоции. Эмоциональный тип не сумеет проанализировать свои состояния, потому что ему в большей степени предназначено переживать, нежели размышлять. Внести необходимые коррективы, направить процесс самопознания может только наставник, психолог, терапевт. Не случайно в восточной культуре каждый ступивший на путь самопознания имел своего учителя — гуру.

Мировоззренческие картины мира

Картина мира — целостный образ мира, который имеет исторически обусловленный характер. Научные знания не только складываются в нечто целостное. Они еще обладают способностью выстраивать некое видение мира. На характер такой картины оказывает воздействие мировоззрение эпохи. Это хорошо показано, например, в работе Вильгельма Виндельбанда «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия». Автор обращается к духовной жизни Германии, которая складывалась в XIX в. «Нас разделяет столетие, отличающееся богатейшей динамичностью, преисполненное далеко проникающими в глубочайшие слои жизни велениями судьбы. Такие переживания не могут пройти бесследно, своим несказанным богатством, значительным содержанием во всех областях искусства — в музыке, в поэзии, в изобразительном искусстве — они с элементарной

⁶ Там же. С. 256.

⁷ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993. С. 231.

силой требуют своего формирования...»⁸ Создание картины мира предполагает для своего решения разностороннее знание исторических процессов и заставляет включить в круг рассмотрения деятельность народа во всех областях его жизни. «Как бы ни дифференцировалась в ходе ее развития культурная жизнь, как бы ни распадались крупные формы жизни на отдельные образы религиозного, научного, политического, социального бытия, между ними всегда сохраняется тесное единство жизни, составляющее для нечто общее и одновременно существенное»⁹.

Каждый человек в своей жизни исходит из той конкретной картины мира, в которую он погружен. «Времена не выбирают, в них живут и умирают...». Картина мира обуславливает способ восприятия мира. «Наш окружающий мир есть духовное образование внутри нас и нашей исторической жизни», — отмечает Эдмунд Гуссерль (1859-1938) в работе «Кризис европейского человечества и философия». Если мы поставим вопрос: чем характеризуется духовный облик Европы, то надо понять, что речь идет не о географическом, пространственном понятии Европы, как если бы всю совокупность людей, обитающих на данной территории, можно было охватить в понятии европейского человечества. Несомненно, название «Европа» обозначает общность жизни и творческой деятельности, включая цели, интересы, заботы, тревоги, планы, институты, учреждения. Внутри этой общности отдельные люди действуют на разных уровнях в разнообразных социальных группах — семьях, родах, нациях. Но они связаны единством духовного облика. Это и придает личностям и социальным общностям некий всевышующий характер.

Картина мира открывает истину собственных предпосылок и пространство собственных целей. Она может возникнуть как в обыденном повседневном сознании, так и философском, религиозном или научном мировоззренческом варианте. Когда мы обращаемся к конкретной эпохе, мы ощущаем совершенно разные пласты жизни. Культура включает в себя все способы чувствования, мышления и действий, которые неизбежны как результат биологии человека и его объективных внешних ситуаций. Поместите людей, воспитанных в разных обществах и следующих разным традициям, на один необита-

емый остров. То, что каждый из них увидит, будет далеко не одинаковым. Разными будут и способы их поведения в этих новых условиях. Между людьми и их окружением расположен неосознаваемый и невидимый, но вполне реальный экран. Этот экран — повседневность: житейское понимание мира, одежда, утварь, быть, привычки.

«Повседневность существует, бытийствует, наличествует, но не осознается, подобно тому как не осознаются скрытые содержания бессознательно-го, структуры языка, архетипические формы. Она служит предпосылкой действий, дум, поисков всех людей, когда-либо живших и живущих на земле, но не заметна: воздух, которым дышишь, глаза, которыми смотришь на мир, дорога, по которой ходишь каждый день. Оттого и по-все-дневность: она охватывает собой все дни, каждый день от рождения до исхода...»¹⁰.

Именно по поведению, по обычаям, узнаем мы «своего» или «чужого», человека той или иной эпохи, той или иной нации, — так характеризует быт Ю.М. Лотман. Самые обыкновенные продукты: хлеб, вино, фрукты могут рождают определенную картину мира, построенную на повседневности. «Вещи имеют свой знаковый код — семантику, они говорят на своем языке. Тот или иной язык существует у определенных социальных групп, он может быть понятен далеко не всем. Ну, например, что означали борода и армяк К.С. Аксакова? Что означал мундир в николаевскую эпоху?»¹¹

Понятно, что в определении картины мира огромную роль играет система образования. Свое исследование В. Виндельбанд начинает именно с нее. Все начатое в духовной жизни XVIII в. англичанами и французами, было, по мнению немецкого философа, завершено в Германии и там возникла та эстетическо-философская система образования, которая в духовном отношении определила в этой стране последние десятилетия XVIII в. и первые десятилетия XIX в.

Гуссерль отмечает, что у духовной Европы есть родина. Но он имеет в виду не географическое место, а место ее духовного зарождения. Здесь возникает новый тип установки по отношению к окружающему миру. Как следствие возникает совершенно новый тип духовной структуры, быстро

⁸ Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 297.

⁹ Там же. С. 206.

¹⁰ Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. М., 2003. С. 4.

¹¹ См.: Козьякова М.И. Эстетика повседневности. Материальная культура и быт Западной Европы XV-XIX веков. М., 1996. С. 6.

развивающейся в системно замкнутую культурную форму. Благодаря этому появляется новый тип социальности и новая форма устойчивого общества, чья духовная жизнь, сплоченная любовью к идеям и идеальным нормированием жизни, несет в себе бесконечный горизонт будущего — горизонт бесконечной череды поколений, обновляющихся в идеальной духовности.

Источники гуманитарного знания и способы работы с ним

На протяжении XIX и XX веков точные науки постоянно сравнивают с гуманитарными, то есть с человековедческими. В XIX и начале XX века пальма первенства неизменно принадлежала так называемым частным наукам. Это было связано с тем, что естественные дисциплины (физика, химия, биология, астрономия) принесли человечеству внушительные открытия, которые позволили людям изменить собственную жизнь. Однако в последние десятилетия ситуация меняется. Нередко ученые и широкие слои населения отдают предпочтение гуманитарным наукам. Во многих городах сейчас созданы гуманитарные университеты.

Гуманитарное знание имеет дело с человеком, его ценностями, смыслами, которым люди придают особое значение. Здесь велика роль не только сознания, но и интуиции. Огромное значение в этом комплексе знаний имеет «авантюра мысли», творческое воображение. Иначе невозможно проникнуть в сокровенный мир человека. Вот почему, когда речь заходила о постижении человека, человечества, общества, культуры, человеческого духа, то складывалось впечатление, будто гуманитарное знание менее важно для общественной жизни. Оно порою кажется не всегда конкретным и доказательным.

Однако это вовсе не означает, будто выводы гуманитарных наук менее ценны. Точное знание требует окончательных положений и доказательств. Гуманитарное знание предполагает строгость рассуждения, но оно не всегда имеет форму закона, теоремы или аксиомы.

Когда мы изучаем общество, культуру, осмысливаем их особенности и тенденции, приходится сразу признать, что законы природы, которые кажутся универсальными, здесь имеют ограниченное применение. Мы тотчас же обнаруживаем фундаментальное различие между конкретными науками и гуманитарным знанием. Естественные законы выражают постоянную взаимосвязь и регулярность

природных феноменов. Они не могут быть созданы. Один безумец сказал: «Я — автор сорока законов природы». Это, разумеется, откровение сумасшедшего. Природные законы нельзя придумать или нарушить. Они не творятся, а открываются в их истинной природе.

Общественные законы носят принципиально иной характер. Они обусловлены человеческой активностью. В своей деятельности, в своем общении люди руководствуются целями, которые они пытаются реализовать. У человека есть потребности, которые он стремится удовлетворить. Он руководствуется собственными жизненными и практическими установками. Те ориентиры, которым люди следуют в своей жизни, постоянно меняются. Они могут быть нарушены. Их можно преобразовать, отменить. В обществе нередко возникает непредсказуемое развитие событий.

Многие феномены общественной жизни вообще нельзя понять, исходя из природных предпосылок. Например, согласно природе, женщина призвана продлить человеческий род. Других предназначений у нее нет. А в обществе женщина может осуществить свои социальные мечты — стать ученым, политиком, педагогом, наравне с мужчиной участвовать в созидании общества. Кроме того, как, опираясь, например, на физику или биологию, можно осознать смысл жизни или смысл существования мира? Тут нужно прежде всего обратиться к человеческим предпочтениям, к тем нормам, которые возникают в социальной жизни.

Прочтем внимательно строчки, которые написал немецкий социолог и историк Макс Вебер (1864–1920): «Кто сегодня, кроме некоторых «взрослых» детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей, еще верит в то, что знание астрономии, биологии, физики или химии может — хоть в малейшей степени — объяснить нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого «смысла», если он существует? Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в то, будто вообще существует нечто такое, как «смысл» мира»¹².

Не случайно Л.Н. Толстой отмечал ограниченность естественной науки. Да, она принесла неоспоримую пользу человечеству, открыла невиданные горизонты. Но она не дает никакого ответа на важные для нас вопросы: «Что нам делать?», «Как нам жить?» Вот почему еще в прошлом веке исследователи пытались установить различия между науками

¹² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 717–718.

о природе и «науками о духе» (так назывались все науки, которые занимались изучением творений человеческого духа и таких сфер культуры, как искусство, религия, государство, экономика, право и другие).

Хотя ученые давно осознавали различие между науками о природе и науками о человеческом духе, некоторые мыслители все же, изучая общество, опирались на законы природы. Они считали, что общественная жизнь имеет естественный характер и что социальные процессы можно понять по аналогии с природными. Так, например, еще в античной философии возникла теория «естественного права». Предполагалось, что право существует уже в природе, заложено в самой сущности человека. Естественное право для всех одинаково, то есть независимо от времени и места. Оно также неизменно. Скажем, право распоряжаться своей собственностью, вести войны, строить государство обусловлено природой. Иначе говоря, все люди, уже по тайне своего рождения, обладают такими способностями и правами.

В XIX веке в философии немецкого мыслителя Карла Маркса (1818-1883) родилось представление, будто законы общества тоже во многом обусловлены эволюцией. Развивается природа, значит, если есть развитие, может совершенствоваться и общество. Последователи Маркса были убеждены, что его теорию легко сравнить с открытиями Дарвина. Английский естествоиспытатель показал, как возникают виды животных. Немецкий философ будто бы доказал, что с такой же природной закономерностью сменяются эпохи в развитии человеческой истории. Однако в обществе действуют и другие законы, которые не коренятся в природе. К. Маркс как раз и пытался выявить те собственно социальные механизмы, которые определяют развитие общества.

В науках о природе ценность закона связана с его общезначимостью. Химическая формула воды справедлива и для Северного полушария, и для Южного, и для созвездия Центавра. В гуманитарных науках выявленные закономерности не обладают такой безоговорочной применимостью. В своеобразных условиях той или иной культуры определенные тенденции могут получить своеобразную направленность.

Изучение природных законов позволяет предвидеть развитие тех или иных естественных явлений. Уже древние астрономы называли время, когда наступит затмение солнца или наводнение. Но разве люди не пытаются заглянуть в свое будущее? Можно,

к примеру, рассчитать продолжительность того или иного экономического цикла, но не исключено, что ход событий будет разрушен каким-то непредвиденным фактором. Разумеется, мы раздумываем о грядущем и хотим предугадать его. Но это зачастую носит характер возможных «сценариев». Никто не думает, будто развитие общества обязательно примет такой и только такой характер. Ведь в обществе живут люди. Их сознание и воля могут изменить любую предопределенность будущего. Множество случайных факторов способно обусловить развитие не по «сценарию».

Есть еще одно отличие естественных наук от гуманитарного знания. Общественное развитие во многом обусловлено расширением человеческого знания. Но разве мы можем предугадать, какие теоретические открытия будут сделаны в будущем? В эпоху ветряной мельницы никто не мог предположить, какое огромное влияние на жизнь людей окажет, например, компьютер. Метод социального познания вовсе не предполагает, будто обществовед станет излагать окончательные истины, безупречные схемы и теоремы. Здесь важно научить человека мыслить, оценивать, постигать целостность бытия в его уникальном образе.

Антропологический принцип в социальном познании

Многие мыслители на протяжении разных эпох проявляли интерес не к Богу, не к природе, не к человеку, а именно к обществу (социуму). Их интересовали специфические вопросы: что такое общество? Как оно рождается? Почему человечество создало такой феномен? Как общество относится к природе? Каковы механизмы, заставляющие общество развиваться? Каким будет общество в далекой перспективе? Все это вызывало огромный интерес к педагогике и к ее психологическим аспектам.

Чтобы понять, как строить образование, люди накапливали огромный материал. При этом складывались специфические подходы к педагогике. Разумеется, немалый вклад в развитие знаний об образовании внесли историки. На Древнем Востоке элементы исторической науки развивались преимущественно в монументальной форме — изображения, наскальные надписи и рельефы, списки владык, храмовые хроники. Историческая память китайцев фиксировалась в живописи, в использовании «благородных цветов», в поэтизации дерева, камня и воды. Греческие историки собирали и

обобщали исторические факты на основе простых записей об увиденном или полученных сообщений. Начальной ступенью в описании истории общества у греков был эпос Гомера, в поэмах которого отражена целостная картина раннегреческой эпохи в поэтических образах, а также мифы и легенды, в которых давались определенные толкования исторических событий.

О том, что такое воспитание задумывались и философы. Таких мыслителей, которые изучают общество, называют социальными философами. Они размышляют над проблемами социальной жизни, коллективной человеческой деятельности. Социальные философы считают, что если разгадать такой феномен как общество, то можно понять и другие проблемы — например, отчего природа вечна, что такое культура, почему человек наделен сознанием.

В прошлом веке родилась особая наука — социология. Она изучает формы совместной жизни людей и изменения этих форм. Ее представители проявили обостренный интерес к общим и специфическим закономерностям развития общества. В отличие от философов, которые опирались на силы собственного ума и фантазии и пытались скорее догадаться, ухватить путем интуиции и ума общую картину возникновения и становления общества, социологи старались более детально изучать конкретные коллективы, социальные организации. Разумеется, они опирались и на возможности интеллекта. Однако социология в своих выводах опирается на факты, наблюдения, реальные обобщения.

Интерес к обществу проявляли не только философы и социологи. Немецкий философ Иммануил Кант (1724-1804) писал о том, что психология, то есть наука о закономерностях развития и функционирования психики, никогда не станет наукой. Как можно понять интимный мир человека, если наши сокровенные переживания уникальны? В глубины психики проникнуть не дано. Если же, считал он, это случится, то психология окажется совершенно неинтересной. И то, и другое оказалось неточным прогнозом. В XX веке психология окончательно утвердилась как научная дисциплина. К тому же она оказалась безмерно интересной. Некоторые исследователи полагают, что будущий век станет столетием психологии. Сегодня очевидно, что нельзя изучать общество и при этом не учитывать важнейшие открытия современной психологии, которая предлагает собственные методы постижения истори-

ческой жизни. В самом деле, можно ли понять, например, античную культуру, не задумываясь над тем, что чувствовали и как относились к миру древние греки?

В минувшем столетии появилась еще одна наука, которая заметно обогатила знание об обществе. Это культурология — наука о множественности культур, об их уникальности и несхожести и о закономерностях культурно-исторического процесса.

Культурология (от лат. *cultura* — возделывание и греч. *logos* — учение) — гуманитарная дисциплина, изучающая культуру как целостную систему, многообразие культур, их взаимодействие, типы культурного творчества, структуру и функции культуры, закономерности развития социальной жизни и выражение в культуре человеческого бытия.

Люди и раньше подозревали, что европейцы, например, живут иначе, чем азиаты или африканцы. Но человечество было еще разобщено. О том, чем интересны другие культуры, знали немногие. И вот началось усиленное изучение разных культур. При этом обнаружилось, что типы общества в конкретных культурах нередко отличаются друг от друга. Европейское общество отличается, скажем, от китайского, потому что каждая культура своеобразна. Так культурология значительно углубила наши представления об обществе, о системах образования, которые приняты в этих обществах.

Каждый из нас осваивает культуру, живет в семье, участвует в социальных процессах, вносит свой вклад в развитие истории. Об обществе можно дать представление, рассказывая о человеке.

Без общества нет человека. Именно человек создал общество, культуру. Но это не следует понимать упрощенно, в том смысле, что конкретный человек или даже множество людей сотворили определенный союз или сообщество. Да, без общества нет человека. Но в той же мере правильно сказать, что без человека не было бы и общества. В процессе совместной жизни людей сложились определенные социальные связи. Они далеко не всегда осознавались людьми, поэтому носили объективный, т.е. уже не зависящий от сознания людей, характер. Рождались и определенные закономерности общественной жизни. Вот почему, когда обществоведы говорят о человеке и об обществе, они подразумевают нерасторжимое единство и взаимозависимость этих двух факторов — общества и человека.

Психологическое совершенствование — условие профессионального и личностного роста специ-

алиста. Воспитание характера — сложное дело. Но возможно ли оно без знания философской антропологии, психологии. Психология нередко оказывается фундаментом для педагогики. Само отношение психологии и педагогики, следовательно, существенно меняется. Возрастает взаимное значение, связь и поддержка обеих наук. Новый взгляд на психику, а за последние десятилетия в этом отношении появилось немало неожиданного — обязывает и к новому слову в воспитании.

Современная психология исходит из непрерывной связанности психики со всеми остальными жизненными процессами организма и ищет смысл, значение, законы развития этой психики именно в этой целостной включенности развития этой психики в остальной ряд жизненных отправлений организма. На протяжении своего развития психология постоянно обогащалась новыми открытиями и становилась более увлекательной. Если взять психологию начала прошлого века, то ей были чужды и непосильны проблемы динамики, развития, роста, изменений, воспитания. Практические выводы ее всегда страдали приблизительностью и грубой эмпиричностью, обобщениями самого

первичного сырого опыта. Она атомизировала личность ребенка, как и весь воспитательный процесс, на ряд отдельных психологических функций (способностей, явлений), отгороженных друг от друга китайской стеной и окопанных непроходимыми окопами от всех остальных жизненных процессов в организме ребенка. «И эта психологическая мозаика, лоскутная и отрывочная теория развития, как нельзя больше, соответствовала такой же мозаичной педагогике, разрывавшей на клочки, на предметы, на способности целостный организм растущего ребенка»¹³.

До появления «гуманистической психологии» многие проблемы и феномены человеческой жизни (любовь, свобода, смерть, потребности, самоактуализация) находились за пределами психологической науки. Однако современный облик психологии совершенно иной. Она существует сегодня во множестве продуктивных направлений, которые обеспечивают целостность представления о закономерностях человеческой психики. Вот почему психологическая компетентность педагога составляет важный элемент его профессиональной компетентности.

Список литературы:

1. Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. М., 2002.
2. Бихевиоризм. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии. Уотсон Джон Б. Психология как наука о поведении. М., 1998.
3. Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской культуры. М.-СПб, 2012.
4. Вебер М. Избранное: Образ общества. М.-СПб, 2012.
5. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.-СПб, 2012.
6. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история, М., 1995.
7. Губин В, Некрасова Е. Философская антропология. М., 2000.
8. Гуревич П.С. Философская антропология. М., 2008.
9. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2012.
10. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. М., 2003.
11. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
12. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
13. Козьякова М.И. Эстетика повседневности. Материальная культура и быт Западной Европы XV-XIX веков. М., 1996.
14. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М., 2010.
15. Старовойтов В.В. Современный психоанализ. Основные школы и направления развития. М., 2013.
16. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993.

¹³ Выготский Л.С. Предисловие // Бихевиоризм. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии. Уотсон Джон Б. Психология как наука о поведении. М., 1998. С. 21.

References (transliteration):

1. Barulin V.S. Osnovy sotsial'no-filosofskoy antropologii. M., 2002.
2. Bikheviorizm. Torndayk E. Printsipy obucheniya, osnovannye na psikhologii. Uotson Dzhon B. Psikhologiya kak nauka o povedenii. M., 1998.
3. Veber Al'fred. Izbrannoe: Krizis evropeyskoy kul'tury. M.-SPb, 2012.
4. Veber M. Izbrannoe: Obraz obshchestva. M.-SPb, 2012.
5. Veber M. Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M.-SPb, 2012.
6. Vindel'band V. Izbrannoe. Dukh i istoriya, M., 1995.
7. Gubin V., Nekrasova E. Filosofskaya antropologiya. M., 2000.
8. Gurevich P.S. Filosofskaya antropologiya. M., 2008.
9. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie cheloveka. M., 2012.
10. Zolotukhina-Abolina E.V. Povsednevnost' i drugie miry opyta. M., 2003.
11. Il'in I.A. Put' k ochevidnosti. M., 1993.
12. Kassirer E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M., 1998.
13. Koz'yakova M.I. Estetika povsednevnosti. Material'naya kul'tura i byt Zapadnoy Evropy XV-XIX vekov. M., 1996.
14. MankheyM K. Izbrannoe: Diagnostika nashego vremeni. M., 2010.
15. Starovoytov V.V. Sovremennyy psikhoanaliz. Osnovnye shkoly i napravleniya razvitiya. M., 2013.
16. Khorni K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz. M., 1993.